

Дарья Алексеевна Луговская

Как преодолеть кризис символизма с помощью 'народнических идеалов'? Критика В.Ф. Ходасевича начала 1910-х годов и доклад *Надсон*

В начале 1910-х годов В.Ф. Ходасевич, издавший свою первую поэтическую книгу *Молодость*, стал профессиональным литератором. В периодике самого разного направления, от символистских изданий до бульварных газет, он печатал рецензии на книги второстепенных литераторов. Начиная со второго поэтического сборника, *Счастливым домик* (1914), за поэтом закрепилась репутация традиционалиста, обращаясь к пушкинской поэтике и лирике XIX века (Богомолов 1989: 16). Для позднейшего творчества Ходасевича важно, что с периодом работы над этой книгой связано обновление социальных взглядов поэта. Можно предположить, что похожий путь прошла и критика Ходасевича рубежа 1900-1910-х годов. Переход от символистской, во многом подражательной дебютной книги к поэтике *Счастливого домика* достаточно хорошо исследован (Богомолов 1989; Бочаров 1999; Успенский 2014), изучен биографический контекст – положение Ходасевича в литературном поле начала 1910-х годов (Андреева 1999: 289-290; Богомолов 1995; Шубинский 2012: 151-173). Происходившая параллельно творческая эволюция критики поэта всё еще составляет значимую лакуну.

Стратегия Ходасевича-критика изменилась в конце 1900-х годов. В 1908 году, после публикации *Молодости*, он начал сотрудничать с несколькими московскими газетами: его рецензии на литературные новинки появлялись в "Руле", "Раннем Утре", "Московской газете", позже, с 1914 года, – в "Русских Ведомостях"¹. По сравнению с "Искусством", "Золотым Руном", "Перевалом"², где печатались первые тексты Ходасевича, его читательская аудитория существенно расширилась. Сознательное стремление критика выйти за рамки символистских изданий к демократическому читателю было продиктовано, прежде всего, материальными соображениями и более легким доступом автора в массовые издания в сравнении

¹ Некоторую часть работы Ходасевича в периодике составляла "газетная поденщина" – рецензии, написанные для заработка и наполнения издания материалом (Богомолов 1989: 13-14; Шубинский 2012: 151).

² К концу 1907 года "Искусство" и "Перевал" прекратили свое существование, но до 1909 года Ходасевич мог иметь возможность печататься в "Золотом Руно" несмотря на отрицательную репутацию протее С. Кречетова.

с символистскими³. В этих газетах Ходасевич опубликовал рецензии на поэтические сборники малоизвестных поэтов (Ходасевич 2010: 68-69; 70-71; 74-75), несколько очерков-травелогов: *Ночной праздник (письмо из Венеции)*, *Город разлук. В Венеции* (1911), в которых он не только описывал путешествие по Италии, но и обыгрывал отдельные факты своей биографии, следуя символистским моделям (Успенский 2014: 94-95). Подобные тексты, скорее всего, также создавались Ходасевичем ради заработка и для возможности печататься в несимволистских изданиях с широкой аудиторией⁴.

Одновременно появляются несколько очерков о московском “эстетствующем” обществе, написанных в духе газетного фельетона: *Девуцы в платьях* (1908), *Притончик. На Кузнецком* (1910), *Danses Idylles (Вечер пластических танцев)* (Ходасевич 2010: 54-57; 62-64; 79-80). Они посвящены критике декадентской литературы конца 1900-х годов, обозначающей расхождение автора с эстетикой символистов – эта линия найдет продолжение в докладе *Надсон* (1912). Эта критика со стороны Ходасевича вполне объяснима состоянием литературного поля на рубеже 1900-1910-х годов, когда на фоне общественных изменений середины десятилетия обострились вопросы о дальнейших путях развития искусства, появлялись новые эстетические школы, поэты-символисты, например, Брюсов, искали средств для обновления поэтического языка⁵.

Общая черта очерков Ходасевича конца 1900-начала 1910-х годов – удаленность от социальных вопросов, затронувших творчество многих литераторов в первое десятилетие века (Богомолов 1989: 19). Подобные темы будут актуальными для поэта всего через несколько лет, в связи с откликом на события Первой мировой войны⁶ и 1917 года⁷. Тем не менее, в докладе *Надсон* и в ряде газетных рецензий, написанных в этот период, Ходасевич все же обращается к традициям гражданской, радикальной критики, в которых он видит перспективный для русской литературы путь ухода от декадентства. Эта позиция критика на первый взгляд противоречит и тези-

³ Подобный переход из символистских изданий в издания с более широкой аудиторией был одним из симптоматичных явлений времени. Так, Брюсов в 1909-1910 годах переходит в “Русскую мысль”. Он печатается у Струве по ряду причин, одна из которых – быть критиком, который “ведет за собой” более широкий круг читателей (Богомолов 1990: 20-21).

⁴ Заметим, что в конце 1900-х годов травелог становится очень популярным жанром – в той же “Московской газете”, где Ходасевич печатал очерки о Венеции, в 1911 году было опубликовано несколько травелогов Н.И. Петровской.

⁵ См. подробнее: Богомолов 1990: 25-27; Минц 2004а.

⁶ Об отношении к изменению общественных настроений в 1914 году Ходасевич пишет Г.И. Чулкову: “[...] дышитесь в известном смысле приятней и легче, чем это было до войны. Вопросы пола, Оскар Уайльд и все такое – разом куда-то пропали. Ах, как от этого стало лучше!” (Ходасевич 1997: 392). В этой связи см. также о национальном самоопределении Ходасевича и русско-польско-еврейских отношениях в 1914-1915 гг.: Waysband 2015: 256-265.

⁷ О первоначальном принятии революции, прежде всего – ее культурных перспектив, сочувствии желанием “идти и учить, учить, учить” народ см.: Ходасевич 2010: 238.

су об удаленности его взглядов от социальных вопросов, и символистской поэтике, критически переосмыслившей эстетические взгляды 1860-х годов. С другой стороны, появление доклада выглядит вполне логичным на фоне рецензий Ходасевича, обращенных к более широкой читательской аудитории, и критикующих 'эпигонов символизма'. Доклад о Надсоне – одно из самых ранних обращений критика к 'гражданственной' тематике, причем в достаточно специфическом контексте. Если позже (в переписке и в эмигрантских текстах Ходасевича) эта тема всегда соотносилась с социально-политическим аспектом и с конкретными историческими событиями, то здесь рассуждения о Надсоне – один из поводов указать на возможное направление эволюции русской поэзии, ухода от символизма к 'гражданственной' литературе.

В статье мы анализируем понятия, используемые в докладе *Надсон*, и определим, какие источники могли повлиять на тезисы Ходасевича, как они соотносились с литературным контекстом первой половины 1910-х годов⁸: стоит ли этот текст ближе к символистской эстетике или же к традициям радикальной критики 1860-х годов?

Рассматривая те или иные понятия, использованные Ходасевичем в докладе, мы не предполагаем восстанавливать в деталях историю их употребления в историческом, политическом и литературном контекстах. Нас будут интересовать, во-первых, отдельные аспекты употребления понятий: как менялось их значение, какие его компоненты актуализировались с 1860-х до 1910-х годов. Во-вторых, мы обратим внимание на ряд выражений, немаркированных цитат, использованных Ходасевичем, и определим, к каким источникам они могут восходить. Сразу же оговоримся: наша работа строится на литературоведческом анализе и не предполагает обращения к политическим языкам и анализа понятий в широких временных рамках. Но, касаясь истории отдельных слов и идей, мы неминуемо находимся в тесном соприкосновении с историей понятий и исторической семантикой ("истории слов, рассмотренных с учетом истории общественных отношений и истории культуры") (Кагарлицкий *и др.* 2019: 19). Для нас важен не контекст, полемическая языковая ситуация, в которую автор помещает свое высказывание, соотнося его "с правилами политической игры" (Атнашев, Велижев 2018: 24), поэтому историю понятий мы рассматриваем с позиции Р. Козеллека с его вниманием к "эпохальным изменениям социального контекста" (Козеллек 2006: 38). Его подход необходимо иметь в виду, рассматривая эволюцию отдельных понятий. Подобная методология поможет определить, насколько радикально-утилитаристским текстом можно назвать доклад о Надсоне: действительно ли образцы риторики Ходасевича и его эстетические ориентиры – 'гражданственная' литература и 'утилитарная критика' и насколько адекватно это могли понять слушатели-современники?

⁸ Указанные хронологические рамки продиктованы, во-первых, датами появления двух поэтических книг Ходасевича, во-вторых, появлением в 1915 году первой статьи критика о пушкинских текстах, усилением ориентации на традиционализм и преемственность, наконец – историческим и литературным фоном 1914-18 гг., повлиявшим на содержание, поэтику критических очерков.

Доклад о Надсоне был прочитан Ходасевичем в Литературно-художественном кружке 17 января 1912 года на вечере, посвященном двадцатипятилетию со дня смерти поэта. В этот юбилейный год исполнялось пятьдесят лет со дня рождения и двадцать пять – со дня смерти Надсона, впервые были опубликованы его проза и переписка (Надсон 1912). В тексте выступления чрезвычайно мало говорится о биографии, о творчестве поэта – а именно такой отбор материала был бы типичен для выступления на юбилейном вечере. Юбилей Надсона был для Ходасевича поводом рассказать о своем видении литературного процесса конца XIX-первого десятилетия XX века и о возможных путях преодоления кризиса символизма. Однако доклад в известных откликах на него был оценен невысоко: видимо, эта амбициозная цель автора была не вполне понятна слушателям. Очень показателен единственный сохранившийся отзыв о докладе – анонимный рецензент сообщал (Ходасевич 1997: 551-552)⁹:

[...] было трудно сказать, о чем, собственно, читал докладчик [...] 6-7 первых рядов кресел, долго слушала о пришедших на смену гражданским поэтам “новых людях”, среди которых Надсон, доживи он до их прихода, почувствовал бы себя докучным гостем, и лишним, и чужим, о хулиганстве, Леде, огарках и ловцах момента, о похоронах какого-то кота и пр. и пр.

О неудачном выступлении вспоминал и сам автор (Ходасевич 1937: 9):

Из песни слова не выкинешь – пора признаться, что самый плохой [доклад – *автор*] прочел я: в 1911 году¹⁰, о Надсоне. Конечно, я был мальчишка, но все-таки стыдно вспомнить, что это был за претенциозный и пустой набор слов [...] после доклада настали прения – и тут мне изрядно и поделом влетело от В. Подемкина [...]

Приводя этот позднейший отклик, нужно отметить, что литературные круги 1910-х годов и В.Я. Брюсов систематически переоценивались Ходасевичем в мемуарах, писавшихся с 1924 года. Подобное ретроспективное осуждение выступления могла быть связано и с позднейшей сменой эстетических ориентиров докладчика. В 1912 году он содержал важную, актуальную для Ходасевича эстетическую программу, но в 1920-1930-е годы была выработана новая поэтика, иная идеология.

Идеи, на которых строится доклад, обращение к эстетическим идеалам радикалов-утилитаристов могли показаться современникам явным анахронизмом. Та стратегия, которую Ходасевич пытался реализовать в своем докладе, по-видимому, не привела к успеху. Чтобы понять, насколько радикальным был подобный вызов символистскому дискурсу, обратимся к тексту доклада Ходасевича и определим генезис

⁹ “Русское Слово”, 1912, 18 января. Цит. по: Ходасевич 2010: 551-552.

¹⁰ В комментариях к собранию сочинений поясняется, что “1911” год – “или опечатка в газете. Или ошибка памяти мемуариста” (*там же*).

понятий и идей, на которые опирается критик, объясняя необходимость утверждения 'гражданственной' линии в современной литературе.

Доклад можно разделить на три тематические части. В первой автор делит поэтов на "молящихся" и "призывающих", "жрецов и воинов" (Ходасевич 2010: 96). Наиболее ярким представителем первых он называет Фета, вторых – Надсона. Используя эту метафору, Ходасевич выстраивает оппозицию "чистого искусства" и искусства гражданского, важную для всего доклада.

Уже на уровне оценки поэзии Надсона Ходасевич выделяется из рядов символистов: его точка зрения не соответствует ни критическим отзывам большинства современников о творчестве поэта, ни несколько скептическому отношению к гражданской тематике (Максимов 1981: 210). К примеру, Брюсов писал о формальной стороне лирики Надсона: "Невыработанный и пестрый язык, шаблонные эпитеты, скудный выбор образов, вялость и растянутость речи – вот характерные черты надсоновской поэзии, делающие ее безнадежно отжившей" (Брюсов 1990: 276). Эпоху появления первых стихотворений Сологуба Гумилев описывает как "слащавую просветленность восьмидесятых годов" (Гумилев 1990: 178)¹¹.

Вполне возможно, что Ходасевич в своих суждениях мог опираться на критику другого лагеря, близкого реалистам. Некоторые положения доклада неоднократно встречались в литературе о Надсоне, и массовому читателю начала 1910-х годов могли казаться 'общим местом': таковы рассуждения о близости Надсона интеллигенции и о том, что поэт стал ярким выразителем настроений эпохи начала 1880-х годов (Иванова 1987: 5). Еще в 1895 году вышло одно из первых значительных исследований творчества Надсона – монография А.А. Царевского *С.Я. Надсон и его поэзия "мысли и печали"* (1895), автор которой утверждал: "По характеру своей поэзии, по тону и содержанию сказавшегося в ней личного авторского настроения, Надсон есть прежде всего именно выразитель своего времени" (Царевский 1895: 34), гражданственные стихи Надсона сравнивались с поэзией его предшественника – Н.А. Некрасова. В 1912 году вышло издание прозы Надсона со вступительной статьей П. Ф. Якубовича, написанной в 1906 году. Якубович, писатель, близкий к народолюбцам, рассуждает о литературной преемственности в тех же терминах, что и Ходасевич: "Тенденциозность есть последнее мирное завоевание, сделанное искусством, есть пока последнее его слово. Недалеко время, когда поэзия тенденциозная поглотит поэзию чистую, как целое – свою часть [...]" (Якубович 1912: 17)¹². По-видимому, Ходасевич, подбирая

¹¹ Нельзя не процитировать и более поздний источник – оценку эпохи Надсона, данную О.Э. Мандельштамом в "Шуме времени": "Не смейтесь над надсоновщиной – это загадка русской культуры и в сущности непонятый ее звук, потому что мы-то не понимаем и не слышим, как понимали и слышали они" (Мандельштам 1993: 357).

¹² Стоит добавить, что в сознании многих современников Ходасевича смерть Надсона связывалась с клеветой Буренина и вписывалась в шаблон мифа о смерти Пушкина. См. подробнее: (Веслинг 2005; Рейтблат 2005). Можно допустить, что подобный ореол воспри-

оценочные суждения о поэзии Надсона, опирался именно на подобный круг критиков, далеких от символизма.

Во второй части доклада описывается литературно-исторический фон, на котором зарождается лирика символистов и 'декадентов': "[...] какая поэзия, победив, вытеснила поэзию Надсона, почему так случилось и чего стоит эта победа?" (Ходасевич 2010: 94). Ходасевич поясняет, что кризис символизма связан, с одной стороны, с тем, что тексты авторов 1900-х годов воспринимались читателем вне связи с предшествующей эстетической традицией, с другой – слепым следованием второстепенными модернистами читательским вкусам ("Нашлись такие писатели и тогда, когда измученная русская интеллигенция, сбита с толку, потерявшая под ногами почву, бросилась в ужасы эстетизма", *там же*: 97).

Наибольший интерес для нас представляет третья часть доклада, в которой Ходасевич предлагает путь преодоления кризиса символизма. Прежде всего, он акцентирует внимание на том, что символизм лишен "прямой гражданской тенденции" (*там же*: 95) "[...] душе русского интеллигента [...] эстетизм свойственен меньше всего" (*там же*: 97). Вместо символистов, чуждых мировоззрению интеллигенции, "...тенденциозные поэты снова поднимут свой голос, призывая на бой", они "[...] будут хранителями лучших заветов Надсона, продолжателями дела, начатого давно и вдруг прервавшегося" (*там же*: 100). Наконец, вместе с новой поэзией должна появиться и новая тенденциозная критика в духе Писарева. Доклад завершается обращением к символистам, "поэтам-жрецам", которые должны "уйти в подполье... чтобы невольно не совлекать людей с пути, завещанного им историей и освященного кровью жертв, принесенных на алтарь Свободы" (*там же*: 100-101). По Ходасевичу историческая роль русской поэзии состоит в том, чтобы быть 'гражданской', в критике нужно воскрешать эстетику радикалов 1860-1870-х годов. Однако на понятийном уровне доклад Ходасевича при всем его радикалистском пафосе выглядит не столь однозначно. Чтобы осветить подобную неоднозначность текста Ходасевича, мы обратимся к эстетическим представлениям критики пореформенной эпохи и к их трансформации в эпохе символизма.

Напомним, что Ходасевич в своем докладе опирался на эстетическую программу критики 1860-х годов. Художник воспринимался шестидесятниками как служитель общества, поэтому в произведениях оценивалась прежде всего идейная составляющая (Егоров 2009: 299). Писателю отводилась роль собирателя "сырых материалов": его задача – воспроизводить, объяснять и критиковать действительность (Егоров 2009: 409; Щербаков 2016: 282)¹³. Критик занимал позицию активного социального агента, – подобное представление Белинского станет основным для шестидесятни-

ятия смерти Надсона мог играть определенную роль и для Ходасевича-будущего пушкиниста – сразу оговоримся, что первую статью о Пушкине он создаст в 1915 году.

¹³ В данном случае мы имеем в виду точку зрения Чернышевского, Добролюбов, к примеру, выстраивал несколько иную программу: писатель должен реалистично воспроизводить

ков (Terras 1998: 121-122) и найдет продолжение в докладе Ходасевича. Н.Г. Чернышевский так описывает задачи публициста: "Критика есть суждение о достоинствах и недостатках какого-нибудь литературного направления. Ее назначение – служить выражением мнения лучшей части публики и содействовать дальнейшему распространению его в массе" (Чернышевский 1949: 254). При этом "лучшая часть публики" – это, безусловно, демократы, сторонники общественных преобразований. Критика Д.И. Писарева, основываясь на идеях Чернышевского, эволюционирует в сторону утилитаризма: поскольку из-за отсутствия объективных критериев оценки явлений действительности, "прекрасного"¹⁴, невозможно построить научную эстетику, оценить художественную, "субъективную" сторону текста (Щербаков 2016: 208). Поэтому искусство рассматривается с точки зрения общественной пользы, и в статье *Разрушение эстетики* объявляется возможной его замена социальными и естественными науками (Писарев 2003, VII: 349-376; Демидова 1969: 161-177). Писарев оценивал произведение с точки зрения воздействия на читателя, просвещения в научных и социально-политических вопросах ради увеличения реальных знаний и материальных ценностей. Одно из следствий "воинствующего утилитаризма" Писарева и "борьбы с гуманитарными традициями" (Щербаков 2016: 52) – невысокая оценка критиками-радикалами текстов Пушкина и других классиков¹⁵. Таким образом, литература становилась действенным инструментом интеллигенции, разночинцев, инструментом, который должен был привести к социальным изменениям.

Ходасевич, рассуждая о пути преодоления кризиса символизма, утверждает, что литература должна вернуться к идеалам Белинского и критиков-радикалов: к утилитаризму, к утверждению гражданственных идеалов и вновь стать одним из активных средств социальных преобразований. Он встраивает в текст доклада ряд узнаваемых понятий, маркирующих идеи 1860-х годов. Уже в первой части текста лучше

жизнь, а критик – толковать художественный текст и произносить приговор над изображенной автором действительностью.

¹⁴ Здесь стоит вспомнить одну из основных идей диссертации *Чернышевского Эстетические отношения искусства к действительности*: "Прекрасное есть жизнь", в соответствии с которым эстетически прекрасным могли быть лишь запрототолированные, точно отображенные в произведении явления реальной жизни.

¹⁵ Именно критическим отношением Писарева к творчеству Пушкина будет во многом обусловлена критика Блока в адрес "реалистов". Сам Писарев в статье *Реалисты* подчеркивал, что оппоненты приписывают ему и другим критикам "Русского Слова" излишне категоричный взгляд на классиков, поясняет, какое значение понятие "эстетическая польза" он подразумевает: "Последовательный реализм безусловно презирает все, что не приносит существенной пользы; но слово „польза“ мы принимаем совсем не в том узком смысле, в каком его навязывают нам наши литературные антагонисты. Мы вовсе не говорим поэту: „шей сапоги“, или историку: „пеки кулебяки“, но мы требуем непременно, чтобы поэт как поэт и историк как историк приносили, каждый в своей специальности, действительную пользу" (Писарев 2003, VI: 30).

Ходасевич перечисляет ключевые мотивы лирики Надсона, используя в их описании лексику, характерную для литературы радикалов-утилитаристов: “бросаться вперед, на борьбу”, призыв к “борьбе” (Ходасевич 2010: 91). Эти термины созвучны лирике Надсона, который “увлекал только вперед, к идеалу вообще” (*там же*: 94), и поэтому кажутся уместными при анализе его поэзии.

В третьей же части доклада контекст меняется: Ходасевич описывает ситуацию в современной литературе, говорит о кризисе символизма. Здесь рассуждения о гражданской поэзии, ведущиеся в терминах критики радикалов-утилитаристов, кажутся анахронизмом: “...пока за ее молитвой не расслышат призыва”, “писатели-модернисты, загрязнившие и опозорившие ее знамя”, “тенденциозные поэты снова поднимут свой голос, призывая на бой”, “смелые пойдут за смелыми” и т.п. Примечателен и финал статьи, где объявляется о “пути, завещанном им [интеллигенции – автор] историей и освященном кровью жертв, принесенных на алтарь Свободы” (*там же*: 99-101). Однако к концу XIX века гражданственная фразеология уже стала общим местом: в 1890-1900-е годы происходит переосмысление идей критиков-радикалов – “отказ от наследства”, от идей 1860-1870-х, наступает этап их переоценки. Одним из частных проявлений этой закономерности становится трансформация ряда понятий, идей, важных для “шестидесятников”. При этом гражданственная фразеология лишается того семантического наполнения, которое было важным в критической прозе 1860-70-х годов: “борьба”, “новые люди”, как Ходасевич называет символистов, – понятия, выделяющиеся в текстах радикалов-утилитаристов, теперь иронически маркируют подобную риторику (Магомедова 2018: 118-128)¹⁶. Призывы к “борьбе” воспринимались как узнаваемое критическое указание на прошедшую эпоху. В докладе Ходасевича подобные выражения явно указывают на идеологию критиков 1860-х годов, но для слушателей являются устаревшими, не несущими никакой идейной нагрузки¹⁷.

В рассуждениях Ходасевича об утилитарности критики интеллигентной читательской публике, которая “Сапоги всегда ставила [...] выше Пушкина”¹⁸ прочитыва-

¹⁶ См. также: Пильд 1998: 86-118. Один из примеров, демонстрирующих переосмысление модели семейных отношений, заданной романом *Что делать?* – это брак З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, отношения А.А. Блока и Л.Д. Менделеевой. О том, как “тройственные отношения” из романа Чернышевского эволюционирует в символистской культуре см. подробнее: Матич 2008: 170-225; Матич 1992: 52-57.

¹⁷ В качестве одного из примеров подобной закономерности Д.М. Магомедова приводит рассказ З.Н. Гиппиус *Голубое небо*, герой которого “использует клише о “борьбе”, свойственные литературе о “новых людях”, хотя о какой “борьбе” идет речь, сказать невозможно...” (Магомедова 2018: 124).

¹⁸ “Та историческая роль, которую пришлось ей сыграть, ее подвиг и назначение искони заставляли ее отказываться от всякой другой поэзии, кроме гражданской. Критика Писарева была ей любезна. Сапоги всегда ставила она выше Пушкина — и это говорю я не в упрек ей, но с глубочайшим уважением к той неизменной стойкости и последовательности, с какой совершала она историческую свою миссию” (Ходасевич 2010: 99-100).

ется аллюзия на статью Ф.М. Достоевского *Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах* (1864): "Отसेле вы должны себе взять за правило, что сапоги во всяком случае лучше Пушкина, потому что без Пушкина очень можно обойтись, а без сапогов никак нельзя обойтись, а следственно, Пушкин – роскошь и вздор" (Достоевский 1980: 109)¹⁹. Цитату "сапоги выше Пушкина" долгое время приписывали не Достоевскому, а Писареву (*там же*: 327). Однако в данном контексте авторство для нас не имеет принципиального значения, поскольку для модернистов эта фраза уже стала крылатым выражением, обозначающим утилитаристские взгляды шестидесятников. В приведенной цитате Достоевский сатирически обыгрывал суждения В. А. Зайцева, радикального критика "Русского слова", близкого Писареву: "Пора понять, что всякий ремесленник настолько же полезнее любого поэта, насколько всякое положительное число, как бы мало ни было, больше нуля" (Зайцев 1934: 216)²⁰. Приводя одиозную цитату о сапогах и Пушкине, Ходасевич маркирует близость своих взглядов утилитарным критикам²¹.

Однако этим "гражданственность" и ориентация на идеи критиков-радикалов исчерпываются: кроме нескольких указанных выражений, призывов к интеллигенции в духе 1860-х годов и положительной оценки творчества Надсона в докладе сложно обнаружить что-то, более прочно связывающее взгляды Ходасевича и идеи Белинского, Писарева и Чернышевского. Более того, в докладе мы можем найти множество перекличек с символистской критикой конца 1900-х годов. На первый взгляд, подобное соположение идей выглядит необычно: в кругу символистов начала века сохранялось устойчиво отрицательное отношение к шестидесятникам. Приведем несколько высказываний, которыми, безусловно, не ограничивается символистская критика их идей. По мнению Д.С. Мережковского, "[...] упадок художественного вкуса, эстетического и философского образования, который, начиная с 60-х годов, продолжается донныне и вызван проповедью утилитарного и тенденциозного искусства, проповедью таких

¹⁹ Сатирический фельетон Достоевского был одной из реплик в полемике с М.Е. Салтыковым-Щедриным, редакциями "Современника" и "Русского слова". За вымышленными именами узнаются Салтыков-Щедрин и Писарев. См. также: Достоевский 1980: 322.

²⁰ См. у самого Салтыкова-Щедрина, объекта крики Достоевского, позднее, в 1871 году: "всякий сапожник в сто раз полезнее Пушкина" (Салтыков-Щедрин 1970: 102).

²¹ Оппозиция утилитарного – эстетического назначения искусства, метафорически обозначенная в цитате о Пушкине и сапогах, корреспондирует с высказыванием героя романа *Бесы*: С.Т. Верховенский "...бесспорно согласился в бесполезности и комичности слова "отечество"; согласился и с мыслью о вреде религии, но громко и твердо заявил, что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо. Его безжалостно освистали". Позиция Ходасевича о "тенденциозной критике" явно противоречила взглядам С.Т. Верховенского, и выбранная им цитата наряду с другими аргументами эксплицировала настроенность против эстетической критики. Отметим, что выбор цитаты "сапоги выше Пушкина" для аргументации тезисов доклада несколько странен для будущего пушкиниста Ходасевича. Возможно, она могла служить в качестве узнаваемого знака для привлечения внимания аудитории.

критиков, как Добролюбов, Чернышевский, Писарев” (Мережковский 1914: 90)²². Блок называл подобные идеологические тенденции в литературе “либерализмом”, “девятнадцатым веком”, связывая их с наследием Белинского, Тургенева, Писарева (Блюмбаум 2017: 8-9). Позитивизм интеллигенции 1860-х годов предстает врагом “высокой” пушкинской культуры начала XIX века (*там же*: 9, 45-46). Так, в статье *Судьба Аполлона Григорьева* (1915) Блок говорит о генетической связи русского символизма и пушкинской культуры, называя символизм “русским возрождением”, а литературу Белинского и Чернышевского – “интеллигентским лубком” (Блок 1962: 487-489).

События 1905-1907 годов значимо изменили политические взгляды символистов (Мейлах 1937: 170, 180)²³. Андрей Белый от радикальных настроений 1905 года в романе *Петербург* перешел к антиреволюционной позиции (Блюмбаум 2017: 5). Рефлексия над событиями первой революции разрушает романтико-нищенский пафос символистской эстетики: появляется внимание к обычной, негероической личности. Обращаясь к действительности, символисты частично оказываются на территории реалистического искусства, тем самым расширяются возможности поэтического языка²⁴. Одновременно появляется новая грань значения понятия “искусство”, которое теперь у символистов ассоциируется с самим феноменом искусства (Минц 2004б: 212-213). Но к концу первого десятилетия века подобный культ “самоценного искусства” уже воспринимается многими символистами как показатель кризиса направления (*там же*: 221). Эта позиция отчетливо проявляется в очерках Блока.

В статьях Блока 1907-1909 годов темы превращения искусства из элитарного в демократическое, общедоступное, размышления о социальных вопросах занимают важное место, соответствуя эволюции его лирики к фазе ‘синтеза’. В одной из записных книжек возникают идеи о “критике ‘модернизма’ как ‘западнического’ искусства и апологии реализма как искусства подлинно национального” (Минц 2000: 499-500): “Мечты о журнале с традициями добролюбовского “Современника” [...] Дряньность ‘западнических’ кампаний (“Весы”, мистический анархизм и т. п.)” (Блок 1965: 113). В ряде статей этого периода Блок демонстрирует те же взгляды, что и Ходасевич

²² Вместе с тем, именно Гиппиус и Мережковский в своей биографии трансформировали культурную модель семейной жизни, предложенную Чернышевским, и активно переосмыслили эстетические взгляды шестидесятников (см. примеч. 17). Статья Мережковского *Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции* (1915) в глазах современников фактически поставит его в один ряд с критиками 1860-х годов, делая его позицию неприемлемой для Белого и Блока.

²³ Не принимая во внимания идеологизированности статьи Б. Мейлаха, вслед за ним отметим, что ряд символистов (в их числе – Бальмонт) печатали свои сочинения в большевистской газете “Новая Жизнь”, выходявшей под редакцией Н.М. Минского, символиста и одного из основателей Религиозно-Философского Общества.

²⁴ В книгах Брюсова антимещанский пафос, социальные мотивы появляются чуть раньше, в 1900-1903 годах (Минц 2004а: 198-199).

в докладе 1912 года. В статье *О театре* (1908) Блок ставит во главу угла общественное дело писателя, созидательный смысл его работы – просвещение массового зрителя: “Для этого нового дела есть богатая почва во всех областях русской жизни, русской общественности, русского искусства. Такая благодарная почва, как ни в одной стране” (Блок 1962: 259). В докладе Ходасевича можно отметить возможно случайное, но показательное сходство с этой статьей: говоря о просветительской роли литературы, Блок использует понятие “разрушение искусства”, также указывая на эстетические взгляды Писарева как на образец для современных литераторов. К комплексу идей 1860-х годов Блок обращается и в статьях *О современной критике* (1907), *Три вопроса* (1908): путь преодоления кризиса символизма ведет к “встрече ‘реалистов’ и ‘символистов’” (Блок 1962: 205), новые литературные тексты должны синтезировать формальные достоинства (“красоту”) и утилитаризм (“Каждый художник [...] должен быть публицистом в душе”) (*там же*: 237).

Гражданственная проблематика, поиск сочетания утилитарного и эстетического назначения искусства характерны для поэзии Блока периода ‘синтеза’ и для стихов Ходасевича, создававшихся после *Счастливого домика* и в значительно большей степени ориентированных на социальную проблематику (Успенский 2014: 159, 191). Мы можем предположить, что работа Ходасевича над критикой также генетически связана с творчеством Блока периода третьего тома “трилогии вочеловечивания”. Несмотря на то, что статьи Блока 1907-1909 годов из-за излишнего интереса автора к гражданской проблематике были встречены критикой символистов (Максимов 1981: 501-502), Ходасевич пошел по тому же пути, довольно смело вводя ‘гражданственные’ идеи в доклад о Надсоне.

Ходасевич включает в свой текст и некоторые понятия, которые отсылают нас к статьям Андрея Белого. Наиболее очевидный из подобных примеров – метафора ‘поэты-воины’ из статьи *Вольноотпущенники* (1908). В этом тексте Белый, выступая против эпигонов символизма, выстраивает модель литературного процесса конца 1900-х годов: раб – вольноотпущенник – царь. Вне этой модели стоят ‘поэты-воины’: “Воин обнажает свой меч за любезную ему идею, не ожидая ни брани, ни похвалы за свой подвиг [...] которым не дорога карьера, не нужна слава, не страшно порицание [...]” (Бугаев 1908: 72). Ходасевич использует ту же метафору, но в контексте доклада она обретает противоположный смысл: если у Белого понятие ‘поэт-воин’ синонимично ‘подлинному поэту’, символисту, то у Ходасевича истинный поэт – автор гражданской лирики. Заимствуя понятие из статьи Белого, критик снова вступает в полемику с эстетическими взглядами символистов. Понятия, взятые из символистских статей, он наполняет содержанием, близким радикальной критике, однако в 1910-е годы слушатель, читатель уже не воспринимает всерьез подобные авторские интенции, для него они остаются семантически пустыми.

Еще одно незначительное, но важное для Ходасевича-ученика В.Я. Брюсова обращение к символистскому языку – цитата, которой он завершает доклад. Она взята из стихотворения Брюсова *Грядущие гунны* (Ходасевич 2010: 101, 555). Критик при-

зывает символистов “уйти в подполье”, используя символистский же текст, что снова демонстрирует эклектичность языка доклада: рассуждения автора об идеалах радикалов-утилитаристов строятся на современных цитатах.

Наконец, обратимся к слушателю, воображаемому идеальному реципиенту, к которому обращается Ходасевич. Критик адресует доклад “[...] лучшим, но по необходимости скрытым, почти подпольным силам русского общества [...] интеллигентской России эпохи реакции” (*там же*: 94). Но в этом случае, как кажется, доклад Ходасевича снова не достигает своих коммуникативных целей – прежде всего потому, что используемое им понятие “интеллигенция” в начале 1910-х годов трансформируется в связи с социально-политическими процессами, происходившими в обществе последние полвека. Генеалогически оно восходит к шестидесятничеству, но оттенки значения этого понятия менялись в пореформенную эпоху, во времена “Вех”, в 1910-е годы: в разное время актуализировались различные тематические аспекты (Nahirny 1983: 4-5; Живов 1999: 50).

С 1860-х годов понятие ‘интеллигент’ фактически было синонимично термину ‘разночинец’, указывало на неопределенность происхождения, на занятия преимущественно умственным трудом (Виноградов 1999: 227-229). Интеллигент выступал главным носителем идеологии нигилиста, и употребление этого понятия чаще связывается с контекстом литературы радикалов-утилитаристов (Плотников 2008: 73). К началу 1880-х годов это – группа индивидов, “которые были убеждены, что способны пересоздать и себя, и окружавшее их общество”, идеологические и социологические границы выделения этой группы были чрезвычайно размыты (Манчестер 2015: 10). К примеру, она играет важную роль в текстах Чехова (Глебкин 2002: 109)²⁵.

В 1909 году появление сборника “Вехи” вновь проблематизировало определение понятия ‘интеллигенция’. С выходом сборника, с началом полемики об исторической роли и назначении интеллигенции, актуализируются важные для 1860-х компоненты этого понятия – безусловно, одна из причин этого – рефлексия об итогах первой русской революции. Авторы “Вех” переносят на всю русскую интеллигенцию черты радикалов, критикуют ее за отсутствие творческого и религиозного самосознания, чрезмерное увлечение народной пользой (Плотников 2008: 74). Не входя в подробное объяснение критики взглядов ‘веховцев’, подчеркнем, что одной из их наиболее резонансных идей была критика народничества, породившего революционные идеи и приведшего к деградации нравственных, религиозных норм (Милюков 1910: 104-

²⁵ Несколько позже, в конце 1910-х годов, отношение к интеллигенции будет важнейшей темой в творчестве Блока. Но уже 1908 году Блок читает доклад *Народ и интеллигенция*, где упоминает о сохранившейся несмотря на усилия интеллигенции пропасти между ней и народом. Одним из свидетельств непонимания интеллигенцией “души народа” служит отношение к творчеству Горького, “писателя, вышедшего из народа”: “Еще раз подтверждает он, что страшно и непонятно интеллигентам то, что он любит и как он любит. Любит он ту же Россию, которую любим и мы, но иной и непонятной любовью” (Блок 1962: 321, 325).

105). 'Развенчивание' 'веховцами' идеалов 'шестидесятников' в целом совпадало с позицией символистов (за исключением Мережковских), значение понятия 'интеллигенция' к началу 1910-х годов становится чрезвычайно размытым, лишенным политической оценочности. Так, Р.В. Иванов-Разумник в работе *Что такое интеллигенция?* (1907) определяет эту группу как "внеклассовую, внесловословную, преемственную, анти-мещанскую" (Иванов-Разумник 1997: 16-26).

Ходасевич в своем докладе обращается именно к такой размытой, 'внеклассовой' общности, однако то, что он видит историческую роль интеллигенции в "мученической борьбе" (Ходасевич 2010: 100), общий 'гражданственный' пафос текста, о котором мы упоминали выше, актуализирует значения понятия 'интеллигенция', важные для 1860-х годов, но уже не релевантные для начала 1910-х годов. За прошедшие десятилетия этот термин перестал указывать на какие-либо радикальные социально-политические взгляды, превратившись в обозначение широкой культурной прослойки общества²⁶.

Обращение к "гражданственности" и эстетике радикалов-утилитаристов не стало успешной стратегией в критике, тем не менее, Ходасевич будет использовать ее и в нескольких последующих очерках первой половины 1910-х годов.

В октябре 1912 года Ходасевич под псевдонимом "В. Д-цев" публикует положительную рецензию на сборник *Звездные песни* бывшего народовольца Н.А. Морозова (*там же*: 80-81). В случае этого критического очерка нам интересна не поэтика, а обстоятельства его создания: рецензия появляется через два года после публикации *Звездных песен*, когда их автор был приговорен к тюремному заключению за несколько текстов, включенных в этот сборник (*там же*: 550). Ходасевич завершает разбор поэзии Морозова критикой эстетизма: "Не говоря же о безукоризненной форме стиха, все произведения Н. Морозова свидетельствуют о неугасших в авторе чувствах любви, добра и красоты, далеко до него многим современным 'ноющим' поэтам, которые наводят на читателя своими, подчас бесталанными 'изделиями' невыразимую скуку!" (*там же*: 81). Биография Морозова и специфика его лирики, появление отзыва Ходасевича в то время, когда на поэта-революционера было обращено повышенное внимание современников, позволяют предположить, что этот отзыв для Ходасевича был еще одним поводом подчеркнуть жизнеспособность 'гражданственной' поэзии перед 'эстетизмом' декадентов.

Интересно, что если поместить текст Ходасевича в контекст откликов о Морозове, то можно отметить определенное смысловое сходство с рецензией Брюсова, ко-

²⁶ Для полноты картины необходимо привести позднейшее суждение Ходасевича об интеллигенции – с началом Первой мировой войны для него, как и для многих современников, оно будет нести скорее отрицательные коннотации: "[...] здешних интеллигентов надо вешать: это действительно внутренний враг, на $\frac{3}{4}$ бессознательный, – но тем хуже, ибо с ним труднее бороться" (В.Ф. Ходасевич, *Письмо С.В. Киссину (Муни)*, 9 августа 1915 года; ср. Ходасевич 1997: 396).

торый в отзывах на более ранние книги отметил не формальные достоинства поэзии, что типично для рецензий ‘мэтра’, а ‘душевную мощь’ и ‘силу воли’ автора, имея в виду его шлисельбургское заключение (Брюсов 1990: 203, 325-327). Интересный материал для сопоставления дает рецензия Гумилева на ту же книгу Морозова: “Одно великолепное презрение к стилю, издевательство над требованиями вкуса и полное непонимание задач стиха, столь характерные для русских поэтов-революционеров конца XIX столетия, да разве еще шаблонность переживаний [...]” (Гумилев 1990: 107). Понятия ‘стиля’, ‘культуры’, важные в эстетической концепции Гумилева (Чабан 2018: 29-30), не играют значимой роли в восприятии литературных текстов Ходасевичем, не согласуется с ней и пренебрежительная оценка “поэтов-революционеров конца XIX столетия”. Подобное несоответствие взглядов, проявляющееся в ряде очерков, могло быть одной из многих причин, почему Ходасевич не находил сближения с акмеистами²⁷.

Тезисам доклада созвучен очерк *Куприн и Европа*. Он начинается вступлением о традиционно учительной русской литературе и органичности такого поэта-пророка, как Надсон (Ходасевич 2010: 167-168):

Русская литература донныне была учительна. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Лев Толстой ... были пророками. Художники неизмеримо меньшего дарования, как Надсон, служили прекрасными образцами благородства [...] Теперь не то. У нас нарождается средний тип писателя-рассказчика, и ничего больше [...] Он сам — средний обыватель [...].

Другой важной идеей этого текста можно назвать определение ‘среднего обывателя’, мещанина. В культурной традиции конца XIX века оно зачастую противоречило понятию ‘интеллигент’, и критика Ходасевичем авторов подобного толка вполне предсказуема. Необходимо добавить, что в эстетической системе критика оно тесно связано с ‘эстетизмом’ произведений декадентов, с критикой внешних атрибутов прогресса (*там же*: 167-168). Эта тематическая линия также появляется в докладе о Надсоне: “Быть может, ей [литературе – автор] грозят долгие века торжествующего рационализма, века дирижаблей и аэропланов, когда все романтические мечтания будут лишними, поэтам-воинам не к чему будет звать” (*там же*: 100). Она находит продолжение во многих очерках поэта 1910-х годов, а также становится одной из магистральных тем эмигрантского периода творчества. Указав на эту линию в критике Ходасевича, позволим себе оставить подробный разговор о ней за рамками данной статьи.

Как показал анализ ключевых понятий, которые Ходасевич использует в своем докладе, обращение к эстетическим идеалам критиков-радикалов происходит лишь на поверхностном уровне. Поэт включает в текст ряд понятий, устойчивых выражений, оценочных суждений которые ассоциируются у читателя (слушателя доклада) с

²⁷ Важно уточнить, что именно в “Аполлоне” после переписки с С.К. Маковским была опубликована первая пушкиноведческая работа Ходасевича – *Петербургские повести Пушкина*. См. подробнее: Богомолов 1995: 126.

критикой 1860-х годов, стимулируют его 'встраивать' взгляд Ходасевича на пути развития литературы в соответствующую концепцию. Той же задаче служит и то, что исследование Ходасевичем особенностей поэтики Надсона опирается на расхожие суждения критиков рубежа веков, близких лагерю радикалов. Язык доклада Ходасевича оказывается чрезвычайно пестрым: с одной стороны, суждения о поэзии Надсона, обращение к интеллигенции в духе 1860-х годов, несколько узнаваемых крылатых фраз из очерков Писарева и Зайцева адресуют читателя к литературе радикально-утилитаристского толка, к эстетике 1860-х годов. Но при более пристальном анализе понятий, которые критик включает в свои рассуждения, адресата, к которому он обращается, выясняется, что Ходасевич воспроизводит только те политически радикальные интенции, которые уже были в текстах символистов (преимущественно у Блока), написанных после 1907 года.

Доклад Ходасевича и ясно прочитывающееся усиление социальной направленности ряда его последующих рецензий связывается именно с творчеством Блока периода 'синтеза'. Похожим путем будет развиваться поэзия после *Счастливого домика*, а развенчанием гражданственных идеалов Блока и, косвенно, собственного увлечения ими, станет финал мемуарного очерка *Гумилев и Блок* (Ходасевич 1997: 93; Успенский 2013: 176-177). Однако идеи Блока о синтезе 'реализма' и 'символизма' как новом пути развития литературы, созвучные докладу о Надсоне, полемика вокруг них были актуальны несколько ранее, в 1908 году, когда появилась статья *О современной критике*. Поэтому тезисы выступления Ходасевича в Литературно-художественном кружке чрезмерно выделялись из литературного контекста своей эклектичностью и устарелостью. Интересно, что та же стратегия в поэзии будет реализована намного более успешно в позднейших сборниках, *Путем зерна* и *Европейская ночь*. Но в критике попытка совместить понятия 1860-х годов и пересмотренные символистами идеи радикалов-утилитаристов оказывается неудачной: по-видимому, интенции Ходасевича не считывались аудиторией, как подчеркивал анонимный рецензент доклада. Критик будет придерживаться подобной стратегии в нескольких очерках начала 1910-х годов, а затем, в переработанном виде, будет использовать ее в ряде текстов конца десятилетия и эмигрантского периода, что, безусловно, составляет сюжет отдельного исследования.

Литература

- Андреева 1999: И. Андреева, *Свидание "у звезды"*, в: С.В. Киссин, *Легкое бремя: Стихи и проза; Переписка с В. Ф. Ходасевичем*, Москва 1999, с. 259-394.
- Атнашев, Велижев 2018: Т. Атнашев, М. Велижев (сост.), *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*, Москва 2018.
- Блок 1962: А.А. Блок, *Собрание Сочинений*, V, Москва-Ленинград 1962.

- Блок 1965: А.А. Блок, *Записные книжки 1901-1920*, Москва 1965.
- Блюмбаум 2017: А.Б. Блюмбаум, *Musica mundana и русская общественность*, Москва 2017.
- Богомолов 1989: Н.А. Богомолов, *Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича*, в: В. Ходасевич, *Стихотворения*, Ленинград 1989, с. 5-48.
- Богомолов 1990: Н.А. Богомолов, *Жизнь среди стихов*, в: В.Я. Брюсов, *Среди стихов, 1894-1924: Манифесты. Статьи. Рецензии*, Москва 1990, с. 3-32.
- Богомолов 1995: Н.А. Богомолов, *Вл. Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу*, "Новое литературное обозрение", 1995, 14, с. 119-130.
- Бочаров 1999: С.Г. Бочаров, "Памятник" Ходасевича, в: Он же, *Сюжеты русской литературы*, Москва 1999, с. 415-471.
- Брюсов 1990: В.Я. Брюсов, *Среди стихов, 1894-1924: Манифесты. Статьи. Рецензии*, Москва 1990.
- Бугаев 1908: Б. Бугаев, *На перевале. X. Вольноотпущенники*, "Весы", 1908, 2, с. 69-73.
- Весслинг 2005: Р. Весслинг, *Смерть Надсона как гибель Пушкина: "образцовая травма" и канонизация поэта "больного поколения"*, "Новое литературное обозрение", 2005, 5 (75), с. 122-153.
- Виноградов 1999: В.В. Виноградов, *История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных*, Москва 1999.
- Глебкин 2002: В.В. Глебкин, *Можно ли "говорить ясно" об интеллигенции?*, в: *Труды по культурной антропологии*, Москва 2002, с. 91-116.
- Гумилев 1990: Н.С. Гумилев, *Письма о русской поэзии*, Москва 1990.
- Демидова 1969: Н.В. Демидова, *Писарев*, Москва 1969.
- Достоевский 1980: Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 30 томах, XX*, Ленинград 1980.
- Егоров 2009: Б.Ф. Егоров, *Избранное. Эстетические идеи в России XIX века*, Москва 2009.
- Живов 1999: В.М. Живов, *Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции*, "Новое литературное обозрение", 1999, 3 (37), с. 37-51.
- Зайцев 1934: В.А. Зайцев, *Избранные сочинения в 2-х томах, I*, Москва 1934.
- Иванов-Разумник 1997: Р.В. Иванов-Разумник, *Что такое интеллигенция?*, в: *История русской общественной мысли в трёх томах, I*, Москва 1997, с. 16-26.
- Иванова 1987: Е.В. Иванова, *Забывший поэт*, в: С.Я. Надсон, *Стихотворения*, Москва 1987, с. 5-21.

- Кагарлицкий и др. 2019: Ю. Кагарлицкий и др. (ред., сост.), *Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики*, Москва 2019.
- Козеллек 2006: Р. Козеллек, *Социальная история и история понятий*, в: Н.Е. Копосов и др. (ред.), *Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XX века*, Санкт-Петербург 2006, с. 33-53.
- Магомедова 2018: Д.М. Магомедова, *Переписывание сюжета о "новых людях" в русской прозе конца XIX-начала XX вв.*, "Новый филологический вестник", 2018, 2 (45), с. 118-128, DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00020.
- Максимов 1981: Д.Е. Максимов, *Поэзия и проза А. Блока*, Ленинград 1981.
- Мандельштам 1993: О.Э. Мандельштам, *Шум времени*, в: Он же, *Собрание сочинений*, II, Москва 1993, с. 347-392.
- Манчестер 2015: Л. Манчестер, *Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России*, Москва 2015.
- Матич 2008: О. Матич, *Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России*, Москва 2008.
- Мейлах 1937: Б. Мейлах, *Символисты в 1905 году*, в: *Литературное наследство, XXVII-XVIII*, Москва 1937, с. 167-196.
- Мережковский 1914: Д.С. Мережковский, *Пушкин*, в: Он же, *Полное собрание сочинений*, XVIII, Москва 1914, с. 89-174.
- Милюков 1910: П. Н. Милюков, *Интеллигенция и историческая традиция*, в: *Интеллигенция в России*, Санкт-Петербург 1910, с. 89-192.
- Минц 2000: З.Г. Минц, *Блок и русский символизм*, в: Она же: *Александр Блок и русские писатели*, Санкт-Петербург 2000, с. 456-535.
- Минц 2004а: З.Г. Минц, *Русский символизм и революция 1905-1907 годов*, в: Она же, *Поэтика русского символизма*, Санкт-Петербург 2004, с. 190-206.
- Минц 2004б: З.Г. Минц, *К изучению периода "кризиса символизма" (1907-1910). Вводные замечания*, в: Она же, *Поэтика русского символизма*, Санкт-Петербург 2004, с. 207-223.
- Надсон 1912: С.Я. Надсон, *Проза. Дневники. Письма*, Санкт-Петербург 1912.
- Пильд 1998: Л. Пильд, *Зинаида Гиппиус и Тургенев*, "Блоковский сборник", XIV (*К 70-летию З. Г. Минц*), 1998, с. 86-118.
- Писарев 2003: Д.И. Писарев, *Полное собрание сочинений и писем*, VI, VII, Москва 2003.
- Плотников 2008: Н.С. Плотников, *От "индивидуальности" к "идентичности" (история понятий персональности в русской культуре)*, "Новое литературное обозрение", 2008, 3 (91), с. 64-83.

- Рейтблат 2005: А.И. Рейтблат, *Буренин и Надсон: как конструируется миф*, “Новое литературное обозрение”, 2005, 5 (75), с. 154-166.
- Салтыков-Щедрин 1970: М.Е. Салтыков-Щедрин, *Ташкентцы приготовительного класса*, в: Он же, *Собрание сочинений*, X, Москва 1970, с. 82-271.
- Успенский 2013: П.Ф. Успенский, *Тайные поминки по Блоку: Некрасов, Блок, Ходасевич*, “Русская литература”, 2013, 1, с. 164-179.
- Успенский 2014: П.Ф. Успенский, *Творчество В.Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг.–1917 г.)*, Тарту 2014.
- Ходасевич 1937: В.Ф. Ходасевич, *Литературно-художественный кружок (из московских воспоминаний)*, “Возрождение”, 1937, 10 апреля, с. 9.
- Ходасевич 1997: В.Ф. Ходасевич, *Собрание сочинений*, IV, Москва 1997.
- Ходасевич 2010: В.Ф. Ходасевич, *Собрание сочинений*, II, Москва 2010.
- Царевский 1895: А.А. Царевский, *С.Я. Надсон и его поэзия “мысли и печали”*, Казань 1895.
- Чабан 2018: А. Чабан, *Н.С. Гумилев – критик поэтов-символистов: динамика оценок и эволюция критического языка*, Тарту 2018.
- Чернышевский 1949: Н.Г. Чернышевский, *Об искренности в критике*, в: Он же, *Полное собрание сочинений*, II, Москва 1949, с. 241-262.
- Шубинский 2012: В.И. Шубинский, *Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий*, Москва 2012.
- Щербаков 2016: В.И. Щербаков, *Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма*, Москва 2016.
- Якубович 1912: П.Ф. Якубович, *Певец “Тревоги юных сил”*, в: С.Я. Надсон, *Проза. Дневники. Письма*, Санкт-Петербург 1912, с. 1-19.
- Matich 1992: O. Matich, *Dialectics of Cultural Return: Zinaida Gippius “Personal Myth”*, в: B. Gasparov, R.P. Hughes, I. Paperno (eds.), *Cultural Mythologies of Russian Modernism*, Berkeley 1992, с. 52-72.
- Nahirny 1983: V.C. Nahirny, *The Russian Intelligentsia. From Torment to Silence*, New York 1983.
- Terras 1998: V. Terras, *Belinsky the Journalist and Russian Literature*, в: D.A. Martinsen (ed.), *Literary Journals in Imperial Russia*, Cambridge 1998, с. 117-128.
- Waysband 2015: E. Waysband, *Vladislav Khodasevich’s “On Your New, Joyous Path” (1914-1915): The Russian Literary Empire Interferes in Polish-Jewish Relations*, “Slavic and East European Journal”, LIX, 2015, 2, с. 249-269.

Abstract

D.A. Lugovskaia

How to Overcome the Crisis of Symbolism with the Help of 'Populist Ideas'? V.F. Chodasevič's Critical Essays of the Early 1910s and the Article Nadson

This paper analyses V.F. Chodasevič's early 1910s critical essays and his article *Nadson*, read in 1912 in the Literary and Artistic Club. Although the article did not play an important role in the critic's work, because it was only during the exile period that Chodasevič criticized Nadson's poetry, yet it represents the first example of Chodasevič's appeal to the aesthetic model proposed by the utilitarian critics and the ideas of patriotism and civic virtues (*graždanstvennost'*), which were important in his poetry and later critic works. Chodasevič delivered a speech at the Club's anniversary meeting which conveys his views on how to possibly overcome the crisis of symbolism. According to the poet, literature should restore and fully embody the ideals of the early Aesthetic Movement. The aim of the present research is to analyse the concepts, aesthetic ideas, and quotations used by Chodasevič in *Nadson*, and ascertain which sources influenced the author and how they relate to the literary context of the time (early 1910s). I argue that Chodasevič's text echoes, to some extent, symbolist aesthetics while also reflecting elements of radical critique of early Aestheticism. Chodasevič only reproduces politically radical intentions that were present in the texts written by symbolists after 1907. Chodasevič's article and his social views correspond to the evolution of Blok's thought during the so-called 'synthesis' period; he, in fact, employs Blok's ideas and introduces indirect quotations from his essays. Chodasevič's speech at the Literary and Artistic Club was received as advancing principles which were seen too eclectic and old-fashioned, and which, most importantly, did not fit into the established literary context. Notwithstanding Chodasevič's strategy of turning to Belinskij's and Pisarev's literary views was unsuccessful, since his intentions were misunderstood by the audience, he followed a similar pattern in several essays from the early 1910s. Chodasevič used symbolist aesthetic ideas in a number of texts written at the end of the exile period, where it can be seen that his approach and social and political views changed.

Keywords

Chodasevič; Nadson; Critics of Aestheticism; Crisis of the Symbolism; Blok; Conceptual History; *Graždanstvennost'*.